

Рвусь навстречу самому себе...

В мастерской Арона Буха

После пасмурного, серого дождливого дня в мастерскую Арона Буха попадаешь как в иной, неземной, по крайней мере, не сегодняшней мир. Я был сразу очарован и заморожен новой его картиной, стоящей на мольберте, — свежей, сочной, еще остро пахнущей красками и словно живописным пламенеющим солнцем освещающей комнату. Это было какое-то волшебство, мощное, всеобъемлющее буйство радостных, ликующих красок, казалось бы, сметающих и тоскливую занудливость непогоды, и беспросветность мрачного неба, и смутность собственного настроения. Уже потом я нашел выражение шведского писателя и философа Эмануэля Сведенборга, которое будет здесь к месту. Вот оно: "В мире есть два солнца: одно реальное, под которым рождаются и живут насекомые, животные, цветы, деревья и просто люди; другое — внутреннее, с которым рождаются поэты, художники, артисты, открыватели новых пространств". К ним можно отнести и Арона Буха.

О чем была картина, которая так потрясла меня? Вначале это меня совершенно не интересовало. Да и

вообще имеет ли это какое-либо значение?! На холсте совершалось чудесное действо! О чем же оно? Это, ей-Богу, не столько уж и важно. У Арона Буха сюжетами картин могут быть и любимые им цветы, а точнее — роскошные импровизации на цветочные мотивы, и буйные осенние пейзажи в вихре золота, серебра и багрянца, и впечатляющие, броские натюрморты, и вид на Москву из окна мастерской — солнечную Москву, многоцветную и праздничную, и трепетный женский силуэт, и ню в загадочной, трепетной дымке, и... Но, по существу, что бы художник ни изображал, все эти холсты являют колористическими фантазиями, грезами, видениями. И картина, которая меня встретила, так и называется — "Колористическая фантазия".

Арона Буха не привлекают жанровые, тематические, содержательные выверенные картины. Хотя исполнил несколько, как сам говорит, "этапных" произведений. Это — "Исповедь", где изобразил своего отца, память которого свято чтит, себя и своего сына, также художника. Это — "Скорбь", "Памяти жертвам ката-

строф"; "Школьные на привале"...

Обычно же когда он начинает писать, то порой не знает, куда "поведет" его кисть. Иной раз удивляется тому, что появилось на холсте. И это страстно ожидаемая и всегда столь неведомая цветная феерия и есть главное для Арона Буха. Это — цвет, колорит, которыми он осмысливает, осознает и чувствует мир.

И потому все наши разговоры, какой бы темы они ни касались, сводятся к цвету. Арон Бух живет и творит цветом, как, пожалуй, ни один из нынешних художников. По крайней мере, он сам так считает и, наверное, он прав.

Свое колористическое кредо, предназначение живописи в его жизни и искусстве формулирует точно, лаконично и емко. У него набралось уже более пятисот афоризмов. Вот некоторые из них — "Я вижу смысл своей жизни и творчества в том, чтобы дать людям исцеление цветом. Поэтому работаю неистово и непрерывно".

"Не знаю, как другие, но я так вижу и хочу, чтобы все смотрели на мир моими глазами".

"Мое гирзание в том, что я через краски раскрываю и утверждаю смысл жизни"...

"Для того чтобы дать жизнь краскам, надо отдать им всю жизнь".

Арон Бух мечтает издать книгу своих афоризмов. Интересное, наверное, получится чтение.

... Рисовать он стал в три года.

— Неосознанное чувство цвета, колорита, цветовая энергетика — у меня от рождения, от природы, если хотите, от Бога. Это великий и редкий дар, которому, конечно, научиться нельзя...

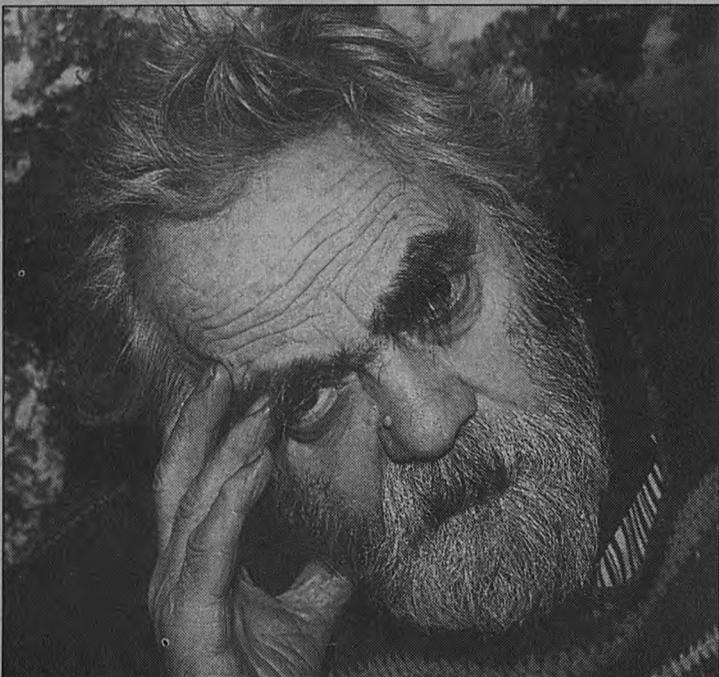
До войны занимался в Доме художественного воспитания детей в Москве. Четыре военных года работал на оборонном заводе в городе Энгельсе Саратовской области. С 1944 года обучался в знаменитой Студии ВЦСПС у Константина Юона. В 1947 году с отличием окончил Московское художественное училище "Памяти 1905 года". Свою дипломную работу "Весна на Сретенском бульваре", столь несвойственную ему тематическую картину, вспоминает с нежностью и умилением. Хотя так уже не хочет и не может писать. Затем увлекся импрессионизмом и постимпрессионизмом. Но его неис-

товая цветовая энергия не могла долго оставаться в этих рамках, и вскоре, как он сам говорит, полностью "расковался". О бльших кумирах напоминают лишь копия фрагмента картины Матисса на стене мастерской да великолепная зарубежная монография о Модильяни, о котором он говорит с влюбленностью и с величайшим почтением. Хотя не похож на него — и походить не хочет. Ни на него, ни на кого-либо другого художника. Он считает себя неповторимым, уникальным явлением, и, вероятно, справедливо. Рядом с собой не ставит никого, особенно из современных художников. Это — выстраданное и осознанное чувство собственного творческого достоинства.

Работает он истоно, постоянно, каждодневно. Но в его мастерской я не увидел штабеля холстов, ныне обычных у художников. Его картины покупаются, они постоянно экспонируются на всевозможных отечественных и зарубежных выставках, почти всегда их можно увидеть, полюбим, в Центральном доме художника, в некоторых московских галереях. Они разошлись по всему свету, находятся в музеях, галереях и частных собраниях более 20 стран. У нас, например, — в Третьяковской галерее.

О себе Арон Бух рассказывает неохотно. Вот о цвете, о живописи! Здесь он становится красноречивым, остроумным и пылким. Невольно любуешься его большой красивой головой с космами некокорных волос и седой ершистой бородой. Он напоминает какого-то средневекового жреца-единоверца в своих страстных "цветовых" проповедях и признаниях. И говорит ярко, взволнованно и образно.

Но вот Арон Бух встает и медленно, с трудом идет к мольберту — и сразу вспоминаешь, что ему исполнился восемьдесят один год, и здоровье у него неважное, и проблем житейских предостаточно. Но все это осталось вне нашего разговора, это не для прессы, это только для самых близких, родных людей. На прощание он убеждает меня в том, что мечтает наконец-то написать главную картину, где "надеется встретиться с собой".

А. Бух